

[00:00:00] [Начало записи.]

[00:02:56]

Константин Бабкин: Очередное заседание Совета ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России называется «Центробанк и промышленность: как объединить усилия». Слово вице-президенту ТПП РФ Курочкину Дмитрию Николаевичу.

Дмитрий Курочкин: Спасибо, Константин Анатольевич! Добрый день, уважаемые друзья и коллеги! Прежде всего, разрешите поприветствовать вас от имени руководства ТПП РФ. Прежде всего, хотелось поблагодарить Константина Анатольевича за очень успешное, на мой взгляд, предыдущее выездное заседание Совета в Выксе, и за инициативу активнее использовать такую практику в наступающем году, которую мы полностью поддерживаем.

Возвращаясь к сегодняшней повестке дня, я бы хотел подчеркнуть, что рассматриваемый нами сегодня вопрос о направлениях денежно-кредитной политики в контексте необходимого прорыва в инновационно-промышленном развитии нашей страны, конечно же, имеет первостепенное значение, несмотря на то, что эти вопросы уже неоднократно нами рассматривались, в том числе и здесь на заседаниях Совета. В сентябре прошлого года у нас было специальное заседание, посвященное влиянию политики ЦБ на конкурентоспособность экономики России. Практически на каждом заседании Совета член совета и председатель нашего Комитета по финансовым рынкам и кредитным организациям Владимир Андреевич Гамза постоянно касался этой темы. На прошедшем не так давно 31 октября выездном заседании Совета он полностью посвятил свое выступление анализу финансовой и регуляторной политики и практики Банка России.

На прошлой неделе 21 ноября Государственная Дума приняла Постановление «Об основных направлениях единой денежно-кредитной политики на 2019 год и период до 2020-2021 года». В выступлениях руководства Банка России отмечалось, что цель денежно-кредитной политики остается неизменной, то есть инфляция вблизи 4%. Рост ВВП в следующем году может замедлиться до 1,2%-1,7%. И, что немаловажно, было сказано, что сама по себе денежно-кредитная политика не может привести к устойчивому ускорению темпов экономического роста.

Наконец, последнее. Хотя в последние месяцы ставки немного выросли, в том числе отреагировав на повышение ключевой ставки, но, тем не менее, по мнению руководства ЦБ, ставки по-прежнему остаются на комфортном уровне для заемщиков. Насколько они комфортны для заемщиков, вообще насколько комфортна сама среда, в которой работают сегодня предприниматели и, прежде всего, наши промышленники, не буду злоупотреблять

временем. Тем не менее, не могу не сослаться на некоторые выводы, недавно обнародованные экспертами «Делойт» по итогам исследования проблемы производственного сектора в России. Исследование основано на опросах и глубинных интервью с топ-менеджерами 77 компаний в четырех секторах: металлургия, химическая промышленность, автомобилестроение, производство и оборудование. Несовершенство госрегулирувания своей отрасли выбрали 46% респондентов (годом ранее их было 44%), на втором месте коррупция (40%), на третьем недостаточная платежеспособность населения. И в рейтинге факторов конкурентоспособности России на мировом рынке прозрачность и стабильность налоговых и экономических условий заняли первое место, об этом сказали 36% опрошенных против 22% годом ранее, что, естественно, не может не тревожить.

В целом бизнес очень обеспокоен отсутствием определении с неналоговыми платежами, о чем мы неоднократно здесь в ТПП РФ напоминали. Мы никак не можем игнорировать эти мнения и настроения промышленников и предпринимателей. Мы обязаны отстаивать их интересы.

Не буду дальше углубляться в итоги данного исследования и статистики, но хочу подчеркнуть, что нам необходимо разработать систему мер по развитию конкуренции в финансовом секторе, обсудить вопросы правового обеспечения конкуренции в банковском секторе, и, прежде всего, нам абсолютно необходима консолидированная позиция предпринимательского сообщества, как банковского, так и промышленного, для определения пути повышения конкурентоспособности российской экономики. Как на практике добиться того, чтобы наша денежно-кредитная, налоговая и внешнеторговая политики были согласованы, а главное, стимулирующими для нашего производства, для экономики в целом — это главная задача. Поэтому давайте выслушаем сегодня все стороны, чтобы принимаемые нами решения, предложения, рекомендации были достаточно объективны и взвешены. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Дмитрий Николаевич. Мы готовы выслушать все стороны, мы для этого сделали все. Руководство Центрального банка до вчерашнего дня подтверждало участие в сегодняшнем заседании, но сегодня мы выяснили, что никто не придет ни из Центрального банка, ни из советников Кудрина Алексея Леонидовича, который является одним из основоположников сегодняшней денежно-кредитной политики. Поэтому все стороны услышать не удастся. Но промышленников мы обязательно послушаем. Послушаем их мнение насчет того, насколько действительно комфортны условия кредитования и другие параметры денежно-кредитной политики.

Выступлю со своим взглядом на проблему, которую сегодня обсуждаем.

Мы назвали сегодняшнее заседание «Промышленность и Центральный банк: как объединить усилия», но, наверное, не совсем правильное название, потому что сегодня, как известно, в задачах Центрального банка, в основных его документах не прописана задача развивать промышленность. Мы тут взяли выдержки из основополагающих документов Центральных банков других стран, там такая задача есть. Банк Англии: «Целью ДКП является поддержание низкого уровня инфляции при условии обеспечения экономического роста и увеличения занятости». ФРС США: «Поддержание долгосрочного роста денежных и кредитных агрегатов, соизмеримых с долгосрочным потенциалом экономики для увеличения производства, обеспечения максимальной занятости, стабильности цен и умеренных долгосрочных процентных ставок». То есть не только у американцев промышленный рост и занятость, но и низкие умеренные долгосрочные процентные ставки. Европейский Центральный банк: «Целью ДКП является стабильность цен, полная занятость и сбалансированный экономический рост». Центральный банк у нас целью ДКП держит только поддержание годовой инфляции вблизи 4% в год постоянно. В таких условиях как объединять усилия? Наверное, сложно объединять усилия с тем, кто не хочет с тобой объединять, у которого другие цели, чем у тебя. Мы понимаем, что президент ставит задачу развивать экономику, создавать рабочие места, развивать промышленность, сельское хозяйство. И, естественно, нормальное руководство Центрального банка, нормально функционирующий Центральный банк должен иметь такие же задачи. Поэтому нам, наверное, сегодня надо ориентироваться не на сиюминутные проблемы, а смотреть чуть-чуть за горизонт и готовить почву для руководства Центрального банка, которое будет опираться на реальные ценности, а не только на такие математические понятия как 4% инфляции.

В рамках подготовки сегодняшнего заседания я прочитал такой документ как «Основные направления денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов». Это документ, который сам Центральный банк выпускает. Но сегодня, так или иначе, нам с ним надо работать, поэтому приходится читать такие документы. Там все в соответствии с основными задачами современного руководства Центрального банка. Слово «инфляция» и слова с корнем «инфляц» встречаются 41 раз на 129 страницах, четыре раза на каждой странице практически. При этом слово «промышленность» встречается один раз, как источник инфляции. Словосочетание «сельское хозяйство» встречается пять раз в том смысле, что сельское хозяйство тоже является основным источником инфляции. То есть инфляция, инфляция, инфляция, документ только про инфляцию. Но внимательное прочтение этого документа показало мне, что, на самом деле, задачей сегодняшней ДКП является не сдерживание инфляции и не удержание ее в районе 4%. На самом деле,

задачей денежно-кредитной политики является не допустить роста ВВП выше уровня 2% в год. Там есть такой пассаж на страницах 46-47, извините, я вам прочитаю буквально. «Годовой темп прироста ВВП в 2018 году составит 1,5-2%. При этом выпуск в экономике близок к потенциалу, на что в том числе указывает загрузка факторов производства труда и капитала. Безработица сохраняется на низком уровне (в среднем около 4,8% в январе-сентябре), близком к естественному, то есть экономика функционирует на уровне полной занятости. Загрузка производственных мощностей остается вблизи исторических максимумов. Значимое увеличение выпуска за счет вовлечения в производство незадействованных производственных мощностей невозможно, учитывая значительное устаревание большей их части и ограничения со стороны трудовых ресурсов».

Упрощая, сокращая этот абзац, здесь написано: «2% в год в 2018 году — это запредельный рост. Больше развиваться Россия не может и не должна. И все, что выше — это является угрозой для денежно-кредитной политики, для инфляции, и с этим нужно бороться». И дальше идет такое, что если темпы роста превышают 1,7% в год, то нужно проводить сдерживающую денежно-кредитную политику. Исходя из таких постулатов, денежно-кредитная политика должна сдерживать экономический рост.

На 2019 год прогноз такой, что 1,7% будет максимум, это вблизи потенциальных темпов, и это значит хорошо. Будем продолжать такую же денежно-кредитную политику.

Мировая цена на нефть — очень важный параметр с точки зрения руководства Центральным банком, который может ускорить развитие российской экономики, с точки зрения руководства Центральным банком, и на следующий год строятся такие планы. Если нефть будет стоить (средняя строчка — это базовый сценарий) порядка 55 долларов за баррель, то нужно будет сохранить действующий вектор с некоторым ужесточением, то есть еще более жесткая денежно-кредитная политика. Если нефть подорожает, будет стоить порядка 75 долларов за баррель, то нужно будет включать так называемое бюджетное правило, которое состоит в том, что при продаже российской нефти за рубеж все, что выше 40 долларов за 1 баррель, является вредной эмиссией денег, которая может вызвать инфляцию, это надо выводить из России, вкладывать в резервные фонды. Если нефть дорогая, надо будет задействовать бюджетное правило, и денежно-кредитная политика также будет близка к проводимой в базовом сценарии, то есть более жесткой, чем в этом году. Если нефть будет дешевле 35 долларов, то инфляционные риски обусловят ужесточение денежно-кредитной политики для ограничения роста инфляционных ожиданий. Таким образом, вне зависимости от цен на нефть, предлагается ввести жесткую денежно-кредитную политику, поскольку есть угроза инфляции, есть угроза слишком

разогреть экономику. Поэтому деньги надо выводить из страны, и необходимо вести жёсткую денежно-кредитную политику, чтобы страна была обеспечена деньгами в минимальном объеме.

Таким образом получается такой логический круг. Постоянно в левом верхнем углу есть угроза инфляции, инфляционные ожидания. Из чего следует, что продаем нефть, а если она дорогая, включаем бюджетное правило, и деньги тоже выводим из страны. Из страны утекает нефть, утекают деньги. Получается, что деньги вывели, денег в стране оказалось мало. Следующий шаг — повышение налогов, цен на топливо, пенсионного возраста, то есть режим жесткой экономии, повышение налогов, что мы и видим в этом году. Ужесточение параметров сбора налогов. Получается, что внутренние цены подняли, налоги подняли, получается, что товары российского производства дорожают. Опять угроза инфляции получается. Здесь нужно включать конкуренцию с зарубежными производителями. Чтобы российские производители не задирали цены, тем самым разгоняя инфляцию, нужно побольше вводить несырьевых товаров. Для этого мы вступили в ВТО — для того, чтобы придушить наших производителей. И высокую ключевую ставку, жесткую денежно-кредитную политику необходимо включать, чтобы тем самым побеждать инфляцию. Но при этом экономика сокращается, опять появляется угроза инфляции, опять вывозим из страны нефть, опять выводим деньги, то есть бегаем по кругу, борясь с инфляцией, при этом важной целью является не допустить высокого уровня роста ВВП. Если мы выходим за эти рамки, то ответ Центрального банка: «Выводи больше денег, повышай еще ключевую ставку, ввози больше несырьевых товаров».

[00:20:12]

Это реально та логика, а в которой сегодня живет руководства Центрального банка. Про постоянный отзыв лицензий, монополизацию банковского сектора мы тоже приготовили новый слайд, об этом много говорили, что постоянно отзываются лицензии, сокращается количество банков, идет монополизация банковского сектора. Чистая прибыль крупнейших... 40% всей прибыли банковской системы сегодня сосредоточены в Сбербанке, а еще в четырех банках сосредоточено порядка 15% всей прибыли. И основная масса банковской системы загнана в убыточный сектор за счет постоянного давления в виде проверок, отзыва лицензий, увеличения требований к резервированию и так далее. Но это выглядит как мелкое хулиганство по сравнению с этой логикой, которая страну гоняет по кругу и обеспечивает вывоз сырья, денег, подавление российских производителей с помощью льготного импорта.

Мы в рамках нашего совета уже почти два года назад разработали принципы экономической стратегии, которая могла бы вывести страну из кризиса. Мы предлагаем там рецепты, прямо противоположные тем, которые предлагает руководство Центрального банка — не жесткая денежно-кредитная политика, а мягкая денежно-кредитная политика, не постоянное повышение налогов, а снижение их и придание налоговой системе стимулирующего характера. Не глобализм, не открытие рынков, а протекционизм и равная конкуренция. Если мы поменяем логику действий правительства, Центрального банка, то наша экономика выйдет из этого замкнутого порочного круга, взлетит, и будет лететь долго, уверенно, и очень высоко взлетит к звездам. Для этого есть все кроме правильной логики действий правительства.

Это та логика, те мысли, которые я почеркнул из чтения документа под названием «Основные направления денежно-кредитной политики» на ближайшие годы. Рекомендуют тоже ознакомиться с этим чтением. Оно, конечно, оскорбляет разум, но, тем не менее, это достаточно откровенная написанная бумага, и потом многому уже не приходится удивляться, когда слушаешь руководителей Центрального банка и смежных органов государственной власти.

Вот такой взгляд. Давайте обсудим. Может быть, я как-то сгустил краски.

У нас есть проект решения, который мы раздали. Естественно, там есть про смягчение денежно-кредитной политики, необходимость снижения ключевой ставки, необходимость вписать в основные документы Центрального банка задачу развивать промышленный рост, создавать рабочие места. Почитайте. Если у вас появятся какие-то дополнения, то озвучивайте, их обязательно учтем. Нарботки, которые сделаем сегодня, лягут, в том числе, в основу доклада о состоянии конкурентоспособности экономики России, который выпустим в середине весны, доклад по итогам 2018 года.

Слово предоставляю академику Глазьеву Сергею Юрьевичу.

Сергей Глазьев: Могу сказать подтверждение тезиса Константина Анатольевича о том, что Центробанк выполняет задачу не давать экономике расти. Казалось бы, при всей абсурдности этого тезиса фактически так оно и есть, и это как раз и вытекает из той предпосылки денежно-кредитной политики, о которой Константин Анатольевич говорил, согласно гипотезе Центрального банка о том, что экономика работает на пределе возможности. Это некий абсурд для многих промышленников, которые знают, каков у нас сегодня недогруз производственных фондов, какие у нас проблемы со скрытой безработицей, сколько мы вывозим сырья вместо того, чтобы его перерабатывать. Вообще, потенциал роста во всем оценкам составляет примерно полутора кратную величину, исходя

из наличных производственных ресурсов, и задача денег заключалась бы в том, чтобы связать эти простаивающие ресурсы в циклах расширенного воспроизводства. Но поскольку я вынужден профессионально, находясь в Национальном финансовом совете, анализировать этот документ, о котором сказал Константин Анатольевич — «Основные направления денежно-кредитной политики», — могу сказать, что никаких расчетов, которые бы Центральный банк привел в обоснование того, что экономика работает на пределе, нет, их просто не существует. Максимум, на что они ссылаются — это что безработица находится на исторически самом низком уровне. Но мы знаем, что есть разное понятие безработицы. И президент ставит задачу повышения производительности труда, это как раз достигается путем загрузки производственных мощностей в том числе. А когда у вас мощности не загружены, то автоматически получается и скрытая безработица, которая оценивается по некоторым отраслям до 20% занятых. Такие примитивные рассуждения, что раз Росстат показывает нам небольшую безработицу, у нас экономика работает на пределе возможностей, и лежат в основе этой денежно-кредитной политики, которая уже четвёртый год продолжается сокращением денежного обеспечения, и, по сути, сжатием кредита для реального сектора экономики.

На слайде представлена денежная политика, как она была до позапрошлого года. Вы видите, что Центральный банк еще какие-то деньги вливал в экономику через рефинансирование коммерческих банков, однако уже начиная с этого года, он приступает к изъятию денег из экономики, и на сегодняшний день мы видим, что через операции с правительством и через отрицательные операции с коммерческими банками общий объем изымаемых из экономики денег уже приближается к 14 трлн руб. В чистом виде баланс сегодня между Центральным банком и экономикой сводится к минус 5 трлн, то есть он на 5 трлн фактически изъяс денег из экономики больше, чем давал. Это уникальное явление в современной денежной политике, когда Центральный банк вместо того, чтобы создавать кредит, изымает деньги из обращения, думая, что денег слишком много, и поскольку экономика работает, как ему кажется, на пределе возможностей, то увеличение денежного предложения повлечет превышение спроса над предложением товаров, и, значит, вызовет инфляцию. Исходя из этой логики, которая основана на ложных посылах, фактически Центральный банк сегодня высасывает деньги из экономики через депозиты. Любой коммерческий банк может разместить деньги по ставке близко к ключевой, и ничем не рисковать, получать деньги от Центрального банка, либо приобрести его облигации. Это разительно противоречит тому, как устроена денежная эмиссия во всех странах мира уже почти 100 лет. Мы видим, что в Америке главной задачей является поддержание роста денежных агрегатов. И важно, что эмиссия денег идет исключительно на нужды

правительства, то есть главным каналом эмиссии доллара является дефицит американского бюджета. В Китае действует как эмиссия под покупку валюты, как у нас, так и огромная эмиссия через государственные банки под кредитование инвестиций.

Европейский Центральный банк наряду с такой же политикой, как в Америке, эмитирует деньги под покупку долговых облигаций правительств стран зоны евро, но, кроме этого, вернулся к старой практике еще до введения евро — рефинансирование коммерческих банков по обязательствам производственных предприятий. Именно этот механизм обеспечивал послевоенное восстановление Европы, когда центральные банки Германии и Франции расширяли кредит под обязательства предприятия путем переучета векселей. Аналогичная картина в Японии. Мы знаем, что эта эмиссионная политика денежных властей почти всех стран мира сегодня, наряду с количественным смягчением, характеризуется низкими процентными ставками. Это требование структурных изменений. Экономика проходит сегодня через структурный кризис, связанный со сменой технологических укладов, поэтому государство делает максимум возможного для того, чтобы облегчить бизнесу доступ к кредитам практически под нулевые процентные ставки. Если у вас есть возможность что-то произвести дополнительно, внедрить новую технологию — пожалуйста, приходите. Таким образом, за последние 10 лет количество мировых валют увеличилось в 3-5 раз, и только у нас имеет место сокращение в реальном выражении или стагнация денежных агрегатов.

[00:30:11]

Поскольку главным инструментом Центрального банка является повышение процентных ставок в качестве методов борьбы с инфляцией, то реальным эффектом является отказ предприятия от расширения кредитов. Если процентная ставка превышает норму рентабельности в производственной сфере, то понятно, что брать кредиты себе дороже. Что мы и наблюдаем: предприятия отказываются от кредитования, от финансирования, инвестиций. Замечу, что кредит — это главный инструмент авансирования экономического роста через финансирование инвестиций. Напомню слова Шумпетера о том, что процентная ставка — это налог на инновации. Центральный банк игнорирует роль кредита в экономике, и фактически поднял процентные ставки сверх рентабельности средней обрабатывающей промышленности. Он остановил главный механизм банковской системы, который заключается в трансформациях сбережений в инвестиции. Банки прекратили кредитовать инвестиции. Доля таких кредитов в активах банковской системы упала ниже 5%. То есть фактически Центральный банк убил кредит, который является основой, по сути дела, наращивания инвестиций в рыночной экономике, и тем самым действительно

выполняет функцию торможения экономического развития. В результате этой политики резко выросло количество банкротств. Мы видим, что рост числа банкротств сегодня — это почти 55 тыс. предприятий, он сопровождается не финансовым оздоровлением, как это происходит во всем мире, а ликвидацией этих предприятий, распродажей имущества. Теряют деньги кредиторы, банки. Но люди, которые этим занимаются, получили неплохой бизнес на 5 трлн руб. активов, которые сегодня находятся в обороте по процедурам банкротств. И мы видим тенденции того, как банки, сталкиваясь с тем, что расширение кредита потеряло смысл, заняты присвоением активов задолжавших должников. При этом формируются сетевые преступные сообщества, цель которых — отобрать имущество путем сознательного ухудшения условий кредитования заемщиков. Типичный пример — банкротство лучшей в Европе компании «Стальинвест», которое «Россельхозбанк» провел, опираясь на свои колоссальные возможности для работы с судами и правоохранительными органами. Желающие могут сходить в Коптевский суд, посмотреть, как это дело происходит. Главный источник прибыли в экономике у нас получается финансовый пузырь на Московской бирже. Благо, у наших кредиторов много свободных денег для того, чтобы поиграть и поманипулировать курсом рубля. В результате мы видим совокупные потери порядка 25 трлн руб. недополученных производств, падения экономической активности за пять лет.

И в заключение, отвечая на главный вопрос, который сегодня вынесен в повестку дня: что может в Центральном банке денежная политика сделать для экономического роста? Дать кредит, это очевидно. В этом главная задача. Напомню, что известный экономист Тобин математически доказывал, что главной целью денежных властей должна стать максимизация инвестиционной активности в экономике. Для этого необходимо расширение кредита. И очевидно, что этот кредит может быть только целевым. Если мы хотим, чтобы он работал на стимулирование инвестиций, значит, заемщик должен получать конечный кредит не более чем под 3% годовых. Для того, чтобы не разворовали, как нам говорят оппоненты, необходимо следить за целевым использованием денег. Для этого существуют сегодня цифровые инструменты. Мы можем с помощью цифры, грубо говоря, пометить практически все безналичные рубли, и в автоматическом режиме следить за их обращением с тем, чтобы они не уходили за эти контуры целевого кредитования, который необходим сегодня для загрузки производственных мощностей, для финансирования инвестиций, для связывания тех самых имеющихся у нас ресурсов.

Понятно, что эта политика не может идти сама по себе. В основе должно быть ГЧП, в котором государство берет на себя обязательства создавать благоприятные условия для инвестиций, в том числе с помощью кредитной политики, а бизнес берет на себя

обязательства использовать эти возможности, как договорились, в соответствии со специнвестконтрактами, брать на себя задачи обновления производства, создания рабочих мест, расширения выпуска продукции. Такая ткань частно-государственного партнерства должна сочетать, с одной стороны, исполнение Закона «О стратегическом планировании», а с другой стороны, возвращение Центрального банка к тем функциям, которые он обязан выполнять в современной экономике. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Сергей Юрьевич!

Давайте послушаем промышленников. Теперь Кривцов Денис Юрьевич, генеральный директор компании «Тонар» (производство прицепов). Есть компании, название которых уже стало нарицательным. Ксерокс — это прибор, который копирует документы, «тонар» слово когда-то в 1990-е годы стало синонимом передвижного ларька на колесах. Сейчас слово «тонар» — это синоним большегрузного прицепа среди водителей.

[00:35:33]

Денис Кривцов: Добрый день, уважаемые коллеги! Константин Анатольевич, спасибо за такое представление. Я как директор и человек, далекий от макроэкономики, увидев тему совещания, как-то, было, подумал: зачем обсуждать такие очевидные вещи? Неужели кто-то будет спорить с тем, что дешевые кредиты — это плохо? Но периодически в прессе появляются аналитические заметки, что, оказывается, у нас промышленность хочет сильного рубля, и слабый рубль ей вредит. Поэтому, наверное, здесь на слабый смысл полагаться не стоит, и лучше еще раз дополнительно высказаться. Хотя ваше выступление меня сильно озадачило. Оказывается, такие высокие ставки для промышленности — это у нас не по недосмотру или по каким-то действиям врагов, а это у нас записано в таком документе, который всем не лишне почитать.

Немного расскажу о том, как эта политика отражается лично на нашем предприятии.

У нас непростое было время в последние несколько лет. Дело в том, что мы очень сильно конкурируем с мировыми лидерами, в частности с Германией. И для нас единственный возможный ответ — это использовать точно такие же технологии, как они используют, а для этого инвестировать опережающими темпами. Других рецептов здесь быть не может. На рынке сейчас превалирует импортная техника — это очень хороший потенциал для импортозамещения. Просто бери, делай лучше. И в любых условиях — при падении, при росте рынка — отвоевывай долю, и все у тебя будет хорошо. Но инвестировать свою прибыль — на это уйдут годы. Если конкуренту 120 лет, для того, чтобы приблизиться к его уровню, мы должны бежать очень быстро, и использовать не только свою прибыль, но и

заемные средства. Это очевидно. Слава богу, меры Правительства последних лет нам позволили обратиться к льготному финансированию, и тем самым в этом году мы смогли нарастить выпуск производства в два раза, когда только появились правильные меры, протекционистские меры, защитили страну от ввоза бэушной техники, и еще ряд мер были направлены на стимуляцию спроса. И буквально за год выпуск увеличился в два раза.

В прошлом году, если взять официальную статистику, было видно, что мы находимся на пределе своих возможностей. То есть, наверное, в Центральном банке просмотрели, что вся промышленность работает на пределе. В этом году мы увеличили выпуск в два раза — мы опять на пределе. В следующем году мы на 50% вырастем, и мы опять будем на пределе. Таким образом по статистике видно, что все предприятия всегда работают на пределе своей загрузки. Тем не менее, мы из года в год можем расти, если будут соответствующие стимулы, дешевое финансирование, которое позволит нам в дальнейшем развиваться. Это достаточно очевидно.

Хочу отметить еще один момент. К сожалению, и росте отрасли в 35% благодаря действиям Правительства не все так хорошо выросли, потому что одним из условий такого роста был заблаговременный план по инвестициям, по модернизации. А те компании, которые это делать боятся, которые считают, что слишком дорогие кредиты, они просто не рискуют. Они хотят отсидеться, развиваться за счет своей прибыли. Но надо понимать, что так не получится. Рано или поздно, их кто-то просто опередит и закроет, рано или поздно. Поэтому нужно брать на себя риски обязательно, это вопрос выживания. Либо ты сегодня через «не могу» инвестируешь, все на это ставишь, либо завтра тебя просто растопчут иностранные гиганты или еще кто-то. А для этого очень важно иметь дешевые кредиты, или такие, которые бы снизили риски банкротства в будущем. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Я согласен с мыслью, что в современном мире такого ограничения как предельная загрузка мощностей, вообще нет. Мощности сегодня можно нарастить сколько угодно в каких угодно объемах. Главное — продать. Нет проблемы произвести. И, естественно, смотреть чуть-чуть вперед: на год, на два, на три, если жить по плану, и если есть доступ к дешевым кредитам.

Академик Абел Гезевич Аганбегян.

[00:40:25]

Абел Аганбегян: В целом я согласен с основными тезисами, с которыми здесь выступали, и, конечно, с Сергеем Юрьевичем тоже. Хотел обратить внимание на то, что главными источниками экономического роста, в котором мы нуждаемся, являются, во-первых,

инвестиции в основной капитал, и во-вторых, вложения в человеческий капитал, а конкретно в сферу «Экономика знаний», которая является с основной составляющей человеческого капитала. Речь идет о НИОКР, об образовании, информационно-коммуникационных технологиях и здравоохранении. И в этом отношении банки отвернулись от этой проблемы, к сожалению, от проблемы экономического роста. Между тем, банки — это основной денежный мешок, который есть в нашей стране, ведь активы банков — это все-таки больше 90 трлн сейчас. Это наш валовый внутренний продукт по объему примерно. Это вдвое больше всех государственных денег. То есть всех денег всех бюджетов, всех внебюджетных государственных фондов, и всех денег, которые есть в «ВТБ», Центральном банке, резервах Правительства, и так далее. Поэтому без этой основной массы финансовых средств, которые есть у банков, как можно обеспечить экономический рост страны? Ведь смешно. Из 90,5 трлн банковских активов отечественные банки вложили в инвестиционный кредит в прошлом году 650 млрд. Ноль практически. Ноль! Иностранные банки, которых осталось 15% по капиталу среди наших банков, они вложили 660 млрд из своих внутренних средств. Понимаете? Что это такое?

Что касается вложений в человеческий капитал, была попытка Сбербанка давать кредиты на обучение, но в очень мизерных масштабах — 500 млн руб., что ничего. Между тем, во всех странах профессиональное образование люди получают за счет кредита, что уравнивает и богатых, и бедных. Если ты способен и хорошо кончил бакалавриат, ты можешь взять кредит на 20 лет под 3-5%, и поступить в магистратуру. Хочешь, в Московский университет, если тебя примут, хочешь — в Ленинградский. То есть куда хочешь, независимо от твоего благосостояния и благосостояния твоей семьи. Это открывает огромный простор для способных людей. И мы нуждаемся в привлечении способных людей к образованию, потому что человеческий фактор в образовании постепенно становится главенствующим среди источников экономического роста. В конце концов, техника мертва без человека. А у нас многие специальности, например, специальность физик-медик, на чем основана вся современная техника — все эти КТ, МРТ, ПЭТ, позитронные центры, — это физики-математики должны быть. У нас в 10 раз меньше этих специалистов на 100 тыс. людей, чем в Европе, и в 28 раз меньше, чем в Америке. Практически у нас основные установки не работают эффективно, которые стоят десятки миллиардов рублей — ПЭТ, знаменитые в медицинском мире, и так далее.

[00:45:17]

Поэтому нам нужно повернуть банки к инвестированию их вложения в человеческий капитал. Я бы просил в вашем материале насчет инвестиций что-то такое записать, потому что это ключевой момент.

Посмотрите на Америку, Германию, другие страны. Ведь в отличие России, там огромное число фондов длинных денег. В Америке есть фонды в триллионы долларов, накопительные пенсионные фонды, страховые компании — сотни миллиардов долларов. Тем не менее, главные инвестиции — это инвестиционный кредит. В Америке 43%, в Германии 52% всех инвестиций. Не 8% как в России, включая иностранные банки, доля инвестиционного кредита в инвестиции, а 40-50%. Не нравятся развитые страны — возьмем Китай, где нормы инвестиций в валовом продукте в 2,5 раза выше, чем у нас — там 20% доля банковских кредитов в инвестировании, там даже скоростные железные дороги частично строятся за счет 20-летних кредитных средств.

И прав Сергей Юрьевич, когда назвал цифру, шокирующую, наверное, многих — 3% годовых. А на 20 лет нельзя под 12% брать кредит, и даже на 10 лет нельзя, ведь этот кредит выше прибыльности современной промышленности. Есть же все цифры. Поэтому повернуться нужно лицом к инвестиционному кредиту.

Инвестиционный кредит — это самая эффективная форма инвестиций, потому что они возвратные. У нас нет средств на инвестиции безвозвратных. Если бы их отдали, их проели — потом опять изыщи их откуда-то. А инвестиционный кредит же возвращается постепенно.

Возьмите у нас 460 млрд золотовалютных резервов. Возьмем 160 млрд, из них 300 оставим для финансовой безопасности. Эти 160 млрд можно каждый год по 15-20 млрд на 6-7 лет с окупаемостью брать, и их хватит, чтобы крутить эти деньги, и лет за 20 наконец обновить. Ведь наши технологии очень отсталые. 23% оборудования у нас работает свыше сроков амортизации в стране. Их нужно выкинуть давно. А какие у нас задолженности в жилищном строительстве, какие нужны огромные деньги? Какие огромные деньги у нас нужны на транспортную инфраструктуру? И так далее. Я на это хотел обратить внимание. Спасибо.

Константин Бабкин: Обязательно учтем. Действительно, инвестиции в человеческий капитал, образование — это важнейший параметр экономического развития.

Абел Аганбегян: И в основные фонды. На технологию.

Константин Бабкин: По моим ощущениям — все-таки я в промышленности уже больше 20 лет, — за счет просто инвестиций в основные фонды, за счет загрузки промышленных

мощностей, за счет развития сельского хозяйства, за счёт экстенсивного развития, за счет восстановления промышленной базы мы можем развиваться лет 20 темпами 15% годовых.

Абел Аганбегян: 15% не можем, но 5% можем.

Константин Бабкин: Дальше за счет вложений в науку, в образование через 15-20 лет мы можем выйти на новый технологический уровень, технологический уклад, и еще лет 20 развиваться темпами по 15-20% годовых.

Абел Аганбегян: Нет.

Константин Бабкин: Спросите у Кривцова. Он удваивает за год производство, и еще может удваивать за год.

Сейчас давайте послушаем другого промышленника, что он нам на это скажет. Бережной Андрей Александрович, генеральный директор компании Ralf Ringer, один из крупнейших производителей обуви в России.

Андрей Бережной: Добрый день. Я после реально очень глубоких высоконаучных выступлений о том, что Центральный банк должен в корне изменить свою денежно-кредитную политику, с чем согласен, хочу обратить внимание присутствующих, что денежно-кредитная политика — это комплекс мер, за которые отвечает не только ЦБ, но еще и Правительство, которое является источником всевозможных налоговых новшеств. Поэтому, когда мы говорим о том, кто должен определять экономическую среду, определяющую кредит, налоги, тарифную, нетарифную политику и так далее, то это вопрос не только к Центральному банку. Я пытаюсь обратить внимание вас на то, что является, несомненно, обязанностью Центрального банка. Конституция РФ, статья 75-я «Защита и обеспечение устойчивости рубля» — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти. Тут написано просто: он обязан. Значимость этого фактора для рынка легкой промышленности — мы производим обувь — крайне высока, потому что сверх 80% продукта, продающегося здесь в стране, является импортным. Соответственно, цена является прямой функцией курса доллара. И это с одной стороны. С другой стороны, 80% того, что ввозится — это и есть потенциал роста, потенциал импортозамещения. Понятно, что значимо.

Перед вами график результатов обеспечения Центральным банком своей конституционной функции, своей конституционной обязанности. Начиная с 1 января 2015 года, и заканчивая 1 ноября текущего года, это есть кривая курса американской валюты за рубль. Возникает

вопрос: вправе ли мы, видя этот график, считать конституционную обязанность выполненной правильно? У меня на этот счет большие сомнения.

Может быть, на графике это и не так видно, но теперь в цифрах. Теперь с 1 января 2015 года по 1 января 2016 года тот страшный 2015 год, курс доллара колебался от 49 руб. 18 коп. до 71 руб. 32 коп. То есть в пределах 45% от минимального уровня в этот период. 45%! Каким образом можно цену спланировать? На это сейчас достаточно часто отвечают, что «Ну, форс-мажор. Плановая девальвация, одно, второе, большой кризис, ужас-ужас, катастрофа». Смотрим текущий год: 1 января 2018 года по 1 ноября 2018 года — от 56,18 руб. минимальное значение до 68,12 руб., то есть 21%. И после этого у меня возникает несколько вопросов простого производителя просто ботинок: каким образом планировать работу компании, работающей в условиях конкуренции с импортными поставками при такой волатильности курса национальной валюты? По какой стране в цене будут продаваться товары, конкурирующие с продукцией нашей компании в будущем году? Кто-нибудь может ответить на вопрос?

Реплика: (нрзб. 00:54:21)

Андрей Бережной: 10% стоимость.

Реплика: 10% (нрзб. 00:54:33) у вас будет меньше стоимость.

Андрей Бережной: Мы же сейчас говорим не о том, что нам нужно хеджировать свои валютные риски.

Реплика: А почему нет? Почему не хеджируете свои валютные риски?

Андрей Бережной: Не в рисках дело. По какой цене мы должны продавать обувь в рублях? У нас рублевое производство, рублевые расходы, и мы понятия не имеем, по какой цене будут продавать конкуренты. Как я могу это захеджировать? Научите. Я потом подойду, вы меня научите.

Реплика: Приходите. С радостью.

[00:55:02]

Андрей Бережной: Следующее. Как рассчитать срок окупаемости нового технологического оборудования, не производимого в РФ, и поэтому импортируемого? Когда мы говорим об окупаемости инвестиций. Как бизнес-план сделать, какую валюту поставить? Тут в принципе длинный кредит, его можно захеджировать. Но все равно источником погашения кредита является маржа, которую мы выручаем, продавая нашу обувь, побеждая конкурентов на каждой торговой точке.

Третий вопрос: как получить банковское финансирование в условиях подобной неопределенности?

Я на стороне точки зрения академика Глазьева о том, как должно развиваться страну, о есть очень простой вопрос — конституционная обязанность не выполняется. Почему? Кто должен за это отвечать? Вопрос повисает в воздухе. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Андрей Александрович. Я так понимаю, мысль такая, что если простор руководств Центрального банка концентрируется только на борьбе с инфляцией или на стабильности рубля не решается, потому что стабильность рубля не живет вне экономики, вне налоговой системы, вне внешней торговой политике. Соответственно, методами ДКП стабильность рубля невозможно...

Андрей Бережной: Константин Анатольевич, а инфляция живет? Мы подменили понятие целеполагания Центрального банка инфляцией, отказавшись от конституционной обязанности.

Константин Бабкин: Согласен.

Сергей Глазьев: Если бы уронил Центральный банк курс рубля в 2014 году до 80, и, предположим, он бы его там зафиксировал, мы бы сегодня жили при этом же курсе, очевидно, уже пять лет. И еще бы пять лет прожили. У вас был бы период 10 лет стабильного курса с поразительной ценовой конкурентоспособностью, замечу. А когда Центральный банк бросает рубль в свободное плавание — это выгодно только спекулянтам, которые на этом зарабатывают десятки миллиардов долларов. А каждая девальвация — это толчок к инфляции, и в итоге это приводит к тому, что он сжимает деньги путем повышения процентной ставки, дальше падают инвестиции, снижается конкурентоспособность, предприятия вынуждены поднимать цены, потому что как им работать? Издержки растут, конкурентоспособность экономики падает. Какой следующий шаг? Опять девальвация рубля для выравнивания конкурентоспособности. И опять инфляционный шок. И пять раз уже мы идем по кругу.

Константин Бабкин: Тосунян Гарегин Ашотович, президент Ассоциации российских банков.

Гарегин Тосунян: Спасибо. Действительно, коллега сказал, что несколько странно очевидные вещи проговаривать многократно на многочисленных круглых столах, конференциях. Но, тем не менее, такая необходимость все равно сохраняется в силу того, что пока еще достучаться до очевидных вещей, которые на уровне арифметики, на уровне таблицы умножения могли бы быть восприняты, если бы был диалог, более основанный на аргументах, а не на монопольном видении того, что такое хорошо, а что такое плохо. Но

такой аргументированный диалог пока, видимо, не складывается ни между промышленностью и финансовым рынком, ни между Центральным банком поднадзорными субъектами. Тем не менее, жизнь заставляет свои аргументы продолжать приводить. И в этом смысле фраза Константина Анатольевича, что многие тезисы денежно-кредитной политики оскорбляют разум, я очень поддерживаю, потому что самое большое оскорбление для человеческого достоинства — это когда насилуют его здравый смысл. В этом случае ты не знаешь, как себя вести. Другие формы насилия — надо пойти потренироваться, дать сдачу. Или, если материальное насилие, значит, надо разбогатеть, как-то оппонировать. Но когда здравый смысл насилуется и ты не можешь парировать на том же языке, потому что ты разговариваешь языке — это тяжело.

[01:00:03]

Абел Гезевич в самом начале обратил на блестящую цифру — 485 раз упоминание информацией, и 0 раз упоминание промышленности, то денежно-кредитная политика... Это говорит само за себя.

Абел Аганбегян: Я только цифры прочитал.

Гарегин Тосунян: Да-да, эти цифры представлены в бумаге Константин Анатольевич. Возвращаясь к документу, давайте посмотрим, что с поддержанием макроэкономической стабильности, если отвлечься от волатильности, на которую другой коллега обратил внимание, тем не менее, макроэкономическая стабильность в каком-то смысле есть. Но дело в том, что стагнация — это тоже макроэкономическая стабильность. Замороженная экономика — это тоже макроэкономическая стабильность. Но тогда это надо в качестве целей поставить и обозначить.

На 5-й странице текста об основных направлениях основной целью денежно-кредитной политики является поддержание ценовой стабильности, то есть стабильно низкой инфляции. Ценовая стабильность — важный элемент благоприятной среды для жизни людей и ведения бизнеса. Но для ведения бизнеса и в понятие «ценовой стабильности» цена кредита тоже должна входить. Поэтому как толковать? В этом смысле антитезис, который бы хотелось выдвинуть, будет звучать условно: основной целью любой финансовой политики как на микро, так и на макроуровне, является обеспечение баланса между динамикой развития и устойчивостью. То есть забывать о первом факторе и акцент делать только на заморозку, наверное, неправильно, иначе, действительно, можно заморозить всю экономику, и она будет весьма стабильная, потому что при заморозке даже бактерии не развиваются.

Тезис второй из денежно-кредитной политики. «Попытки необоснованного смягчения денежно-кредитной политики не обеспечат устойчивого ускорения экономического роста, и при этом приведут к повышению инфляции» (страница 6-я). Из практики мы видим обратное: как раз ужесточение денежно-кредитной политики замедляет не только инфляцию, а отнюдь ее на самом деле не замедляет, если взять потребительскую корзину для широкого круга потребителей, но замедляет динамику инвестиций и экономического роста. Это совершенно очевидно. Поэтому, думаю, мы и имеем ту болтанку между -3,7% за последние годы до 1,5%, которыми сильно восхищаемся. Но с учетом того, что не хочу злоупотреблять регламентом, скажу несколько цифр, характеризующих банковскую систему.

За этот год на 1 ноября мы имеем по кредитам физлиц 18% роста, а просрочка физических лиц -4%. И при этом мы стараемся еще и этот сегмент заморозить. Ряд нормативных документов Центрального банка направлен на заморозку этого сегмента.

По корпоративному блоку ситуация несколько иная. Там 9% роста и 13% прироста просрочки. То есть, в принципе, есть динамика, но мы в целом максимум усилий прикладываем к заморозке этого кредитного сегмента рынка, который в итоге приведет к дальнейшему сохранению этой стагнации.

К сожалению, в силу регламента на этом я заканчиваю.

Константин Бабкин: Спасибо, Гарегин Ашотович. Я правильно понимаю, что эта политика Центрального банка направлена не только на подавление промышленности или работает не только не в интересах развития производства, но и банкирам, «Ассоциации российских банков» она тоже не на пользу?

Гарегин Тосунян: Она в интересах узкой группы банков, которые руководствуются принципом, один из них впрямую его сформулировал: «Чем хуже для всех, тем лучше для нас». Это действительно политика, направленная на дальнейшую концентрацию, монополизацию как финансового рынка, так и всего остального. Это и на малом и среднем бизнесе видно. Были цифры по этому направлению, как сокращаются и банкротятся организации. На монополизацию, концентрацию. Это пагубно, и очень быстро даст, к сожалению, негативный результат.

Константин Бабкин: Понятно. Портнягин Вадим Геннадьевич, генеральный директор компании «Уралкомпрессормаш».

Вадим Портнягин: Здравствуйте. Компания «Уралкомпрессормаш», город Екатеринбург, мы занимаемся разработкой, производством и сервисным обслуживанием

компрессорного оборудования для всех отраслей промышленности. Мы относимся к сегменту малого предприятия, малого бизнеса.

[01:05:43]

Какие сегодня у нас задачи, проблемы, возникающие в этом? Я немножко сказал бы о рынке, который за последние четыре года изменился, в том числе для нас в заказах. Если раньше при размещении заказа мы всегда заключали договор, что у нас было какое-то авансирование, например, 50%, и при отгрузке остальные деньги, то за последние 4 года тенденция складывается такая, что мы, выходя на тендер любой компании — частной, государственной и так далее — подписываем сразу проект договора, в котором пункт, связанный с финансированием, звучит: «0% аванса, все остальное после отгрузки в течение 30-60 дней». Соответственно, проблемы, которые у нас возникают — в выполнении заказов, которые мы можем брать и выполнять. Срок выполнения у нас от шести до девяти месяцев.

Проблема в следующем, что у нас есть определенные проблемы с доступом к финансированию, кредитам. Сегодня, например, под залог нашей недвижимости мы получили 50% кредита плюс банковские гарантии, которые тоже требуются для подписания различных договоров, и на этом возможностей у нас больше нет. Ситуация, которая складывается — мы могли бы больше брать заказов, которые есть сегодня на рынке, но в силу того, что есть проблемы их профинансировать, от ряда мы отказываемся. Этот рынок не пустует, его заполняют либо конкуренты с импортным оборудованием, которые имеют большой ресурс. Вот вещи, которые у нас происходят.

Что бы нам хотелось? Необходимость каких-то изменений ситуации с доступом.

Здесь говорили много о монополизации. Если четыре года назад у нас некая очередь из банков стояла, в том числе из региональных, которые хотели прокредитовать нас, на сегодняшний день такой очереди нет. Есть фактически с кем подписан договор — с «Райффайзен банком», и некие переговоры со Сбербанком. На этом все.

Константин Бабкин: Спасибо. Зеленский Олег Константинович, председатель совета директоров компании «Клинцовский крановый завод» и «Галичский крановый завод»

Олег Зеленский: Уважаемые коллеги, уважаемые присутствующие, я погружу вас немножко на другой уровень экономики предприятий, которые борются в рыночной экономике, и нашей основной отличительной особенностью является реализация всех элементов жизненного цикла. Я постараюсь проанализировать экономику этих всех элементов жизненного цикла, начиная от проектирования, производства и так далее.

Прошу обратить внимание на то, что маркетинг НИОКР существенно отличается от объемов инвестирования по сравнению с подготовкой к производству и от производства продукции.

Думаю, не открою секрет, что уровень стоимости совершенно разный, но итоги этого усугубляются еще одним вопросом, о котором сказали предыдущие коллеги — о том, что доллар и евро, в которых мы сами покупаем комплектацию, они не сами по себе важны, а еще важны во времени того, что под одну технику нужно 5 месяцев достаточно мощный кредит, а под другую технику мы каким-то образом умещаемся в 2-3 месяца. То есть в данном случае мы валюту привязываем еще к временному показателю. Это дает колоссальный отрицательный эффект.

[01:10:04]

То, что мы разрабатывали, государственные компании отказываются. Мы выполнили все этапы, изготовили технику, и получаем отказы от государственных организаций. А от частных организаций есть четкая ссылка: низкая платежеспособность и невозможность взять адекватной стоимости кредиты. Вот они, первые печальные последствия.

Как следствие этого, некий график, который носит качественный характер. Выбраны две условные в нашем бизнесе величины. 5 млн — человек, физическое лицо, еще пользуется собственными средствами. До 15 млн он находит какие-то финансовые инструменты. И в нашем бизнесе 15 млн является некоторой границей собственного покупательского потенциала. Дальше он не идет, дальше все останавливается. И продаж той техники, которая явно претендует на импортозамещение, она или ноль, или близка к нулю. Но это только начало, видимая часть айсберга.

Невидимой частью айсберга является то огромное количество техники, которое российские производители, неспособные изготавливать такую продукцию...

Тут много говорилось о том, что есть бесконечные этапы роста и возможностей, а я говорю, может быть, несколько необычные фразы: есть техника, которую мы не можем производить. Такие как портовые краны Liebherr, которые находятся у нас в Сочи. Также это работа с контейнерными перегрузками, с автогидроподъемниками. Просто нет производителей в России. О причинах сказал выше.

То, что видится на нашем уровне — это система кредитования цепочки производства и потребления. Прежде всего, это то, о чем говорит организация «Росспецмаш» и ТПП, то есть это, прежде всего, комплектующие и оборудование.

Человеческий капитал. Была сказана очень важная фраза, когда дается промышленная продукция, и опять нужно кредитование всей этой цепочке для того, чтобы строители закончили свои объемы, а счастливые семьи въехали в новые дома. Спасибо большое за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Еще одна иллюстрация того, что протекционизм, низкие налоги и дешевые кредиты могли бы сдвинуть с мертвой точки. Уверен, при этом сочетании мы и портовые краны сможем со временем делать.

Олег Зеленский: Надеемся.

Константин Бабкин: Кабаков Ярослав Александрович, директор по стратегии компании «Финам».

Ярослав Кабаков: Добрый день. «Финам» — инвестиционный холдинг. Мы они из крупнейших представителей розничного сектора по брокерскому обслуживанию. Также в группу входит банк «Финам». У нас достаточно большой холдинг, он и на международной арене сейчас. Количество клиентов — около 400 тыс., это в рамках всего мира. Плюс мы работаем с розницей.

За последний год произошли некоторые изменения. С участием Центрального банка и ТПП проводятся круглые столы в регионах достаточно активно по привлечению и финансовых институтов, и промышленности. Основная тематика — это облигационные займы. Если говорить по факту, то корпоративные облигации являются основным инструментом, который должен быть связующим звеном между Центральным банком и промышленностью. Но есть, конечно же, очень много прорех в этом отношении. Отмечу, что если компания хочет привлечь миллиард рублей, то ей рад любой андеррайтер, а если хочет привлечь 100 млн, то, наверное, этим вопросом будет сложно заниматься финансовым институтам с учетом входа на рынок корпоративных биржевых облигаций. Здесь вопрос входа.

Плюс ко всему, отмечу, что сейчас есть со стороны законодательного поля подвижки — там разработаны облигации без регистрации проспекта эмиссии, но у нас пока вышла одна компания, по-моему, «ГрузовичкоФ». Они привлекли несколько сот миллионов, но за счет в первую очередь своей маркетинговой политики.

[01:15:02]

И основной проблемой компаний, которые на сегодняшний день выходят на облигационные займы, конечно же, является маркетинг. То есть компании, неизвестные

инвестору, непонятные ему, непонятна структура его активов и так далее. Компании хотят привлекать средства, это необходимо нанимать консультантов, проводить road show и так далее, а это затраты.

И какую процентную ставку на сегодняшний день компания, которая впервые обращается к облигационному займу, может предложить инвестору? Наш аналитик говорит, что где-то от 18%. А если сравнить с банковским кредитом, то понятно, что если у компании есть активы под залог, то эти облигационные займы никому неинтересны. Это с одной стороны.

С другой стороны, те компании, которые сумели перешагнуть и сделать первый шаг, и их процентная ставка со временем снижается... Если даже сейчас посмотреть непростое время, 13-14% компании доходность по облигациям, она сейчас есть по корпоративному сектору (имею в виду не крупные компании). У крупных компаний немножко другие процентные ставки, все повыше.

Работа ведется. Отмечу, что, наверное, самая большая прореха — первоначальный вход компании на рынок облигаций, и в этом аспекте я не знаю, что должен делать там Центральный банк: сам выступать гарантом либо проводить как-то маркетинговую политику. Честно говоря, мне неизвестно.

У нас Минфин озвучил, что хочет сделать маркетплейс по привлечению физических лиц на рынок облигаций и так далее. Мы написали им письмо, предложили... У нас есть этот движок на сайт. Мы предложили его бесплатно разместить на сайте Минфина, предоставить движок, чтобы любые физические лица могли покупать облигации.

В течение месяца я созваниваюсь с различными секретаршами, ответа получить не можем.

Отмечу, что ведем достаточно большую работу по различным финансовым инструментам. Есть определенные проблемы с юридическими лицами, которые, конечно, не хотят тратиться на хеджирование валютных рисков в момент, когда курс достаточно низко волатилен, и которые, когда не очень позитивная ситуация складывается на рынках, говорят о том, что хеджирование слишком дорогое. Поэтому тоже проводим встречи по финансовой грамотности.

Спасибо большое. Всех рад видеть у нас в гостях в «Финам». Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. То есть мысль такая, что «Все нормально, все работает. Просто приходите к нам чаще»?

Ярослав Кабаков: Нет. Отмечу, что проблема с реальными располагаемыми доходами населения присутствует. Но на бирже сейчас зарегистрировано порядка 500 тыс.

индивидуальных инвестиционных счетов, и где-то порядка 19% приходится на корпоративные облигации.

Константин Бабкин: То есть все нормально...

Ярослав Кабаков: Только для крупных компаний.

Константин Бабкин: Низкая показательность способность населения и ставки 18% годовых. А так, все нормально. Да?

Ярослав Кабаков: Нет. Эту проблему, мне кажется, должен решать Центральный банк, как мне кажется.

Константин Бабкин: Понятно. Чулкова Елена Ивановна, директор компании «Авангард» (стекольная промышленность).

Елена Чулкова: Добрый день. Если объяснять, что такое «тонар», пришлось, то, наверное, объяснять, что такое стекло, никому не надо. Стекло окружает нас везде.

Про компанию «Авангард». У нас в области стекла достаточно специфический сектор. Мы занимаемся стеклом антитеррористической и противокриминальной защищенности. Мы не производим, мы его разрабатываем. То есть это стекло пулестойкое самых высоких классов защиты.

Константин Бабкин: Кто его изготавливает?

Елена Чулкова: Я могу назвать различных российских поставщиков, начиная с компании «Магистраль», «Росстекло», «Спецзащита».

Константин Бабкин: То есть вы разрабатываете, отдаете им, и они производят?

Елена Чулкова: НИЦ, у нас инжиниринговая компания.

Если коснуться Центробанка, промышленности, как объединить усилия. Стекольная отрасль готова объединить усилия, но желание со стороны Центрального банка не просматривается.

Основные наши проблемы. Надо сказать, что пока стекольная отрасль еще держится на плаву с ежегодным приростом где-то 2,5%, но наметились очень серьезные негативные тенденции. Естественно, они связаны с недоступностью кредитования.

[01:20:06]

Мы не можем брать кредиты под ту ставку, которая предлагается, потому что ни одно производство не работает с такой прибылью, чтобы это покрывать в короткие сроки.

Второе — это то, что здесь не озвучивалось, — мы постоянно чувствуем свою незащищенность со стороны государства. Только в этом году Думой был рассмотрен вопрос о необходимости защиты средств юридических лиц, которые находятся на расчетных счетах. И если приходится работать с долгими авансами, и деньги хранятся в банке, и у банка отзывается лицензия, то могут возникнуть определенные проблемы с возвратом средств, которые находились на счету.

Третье, что уже было озвучено. Например, наше предприятие работает в области высокотехнологичного стекла, но из-за того, что постоянно приходится проводить научно-исследовательские, конструкторские работы, естественно, собственных средств на это недостаточно. И, несмотря на то, что Правительством приняты соответствующие государственные программы, средства, которые должны распределяться, они абсолютно мизерные, и к ним доступа предприятие малого бизнеса фактически не имеет. А что это значит? Что мы теряем рынок высокотехнологичного стекла. Более того, на нашем российском рынке строители сейчас требуют стекло самое дешевое, и часто низкого качества, потому что тендерная система не позволяет покупать им изделия хорошего качества, но более дорогое. Тендерная система ориентирована только на ценовые показатели, но никоим образом не рассматривает соотношение цена/качество.

Наверное, это основное, если мое время закончено.

Мы поддерживаем включение в закон в статью 3 положение о том, что необходимо дополнить цели Центрального банка. Если сейчас Центральный банк может финансировать промышленность, то это должно быть не его возможностью, а обязанностью. Тогда можно ожидать каких-то изменений. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Самохвалов Аркадий Федорович, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса.

Аркадий Самохвалов: Добрый день, господа. Я бы хотел вернуться к мысли. Мы сегодня о Центральном банке постоянно говорим, но у него есть очень мощный союзник, он называется Правительство Российской Федерации. И все зависит от того, на что нацелен этот союз.

В 1998 году при выходе из кризиса он был нацелен на то, чтобы поднять экономику, вывести ее из кризиса и придать ей необходимый рост. Это получилось. Центральный банк вместе с Правительством не только восстановил стоящую, упавшую банковскую систему, но и сделал так, что коммерческие банки отдали полученные от бюджета деньги в экономику. На этих картинках как раз это и показано.

Левый столбец — сначала насыщался деньгами банковский сектор, а потом банковский сектор начал кредитовать в том числе промышленность. В 3,5 раза вырос объем кредитования за два года.

Другая ситуация в 2008 году получилась. Еще кризис-то не состоялся, а уже Кудрин заявил, что самое главное — это устойчивость банковской системы. И он дал необходимые ресурсы банкам. В то время большинство банков было еще коммерческими. В то время банки получили эти ресурсы, и ничего в экономику не вернули. Второй фрагмент слева как раз показывает, что деньги банковская система получила, а в экономику они не поступили.

Третий кризис вялотекущий, там вообще никакой остроты не было, но банки свое взяли — они тоже получили деньги на повышение своей ликвидностью. И третий график внизу как раз и показывает, что они так и не отдали эти деньги никому.

Таким образом, складывается впечатление, что самая большая задача у Правительства — это, действительно, чтобы банковский сектор работал сам по себе, и для как для сущего.

[01:25:10]

Все это не могло не сказаться на динамике роста экономики. Если в 2000 году мы имели 10% годового роста по отношению к 1999-му при Правительстве Примакова, то последующие три пятилетки, когда Игнатьев стал упорядочивать процесс кредитования банками экономики, мы видим, что непрерывно динамика роста снижается. И, в конце концов, мы пришли к 2016 году, когда она была минусовой. И это все тоже не очень случайно получилось, потому что именно с Игнатьева началась эпоха жизни банков, когда процентная ставка стала восприниматься как плата за деньги. Не за то, что банки берут риск на себя своего клиента и за это получают вознаграждение, а просто потому что у них есть деньги, и все обязаны им эти деньги отдавать.

Табличка как раз показывает... Внизу видите рост нефтяных цен. Сопоставление этих динамик показывает, что бессмысленно строить прогнозы экономического роста, исходя из того, как растет динамика нефти, потому что цена в два раза, допустим, выросла с 2006 по 2010 год, а приросты экономики только упали.

Последний вывод. Положение дел продолжается, и мы видим, что динамика кредитования не увеличивается, а стагнирующая, и даже хуже того.

При всем союзничестве у Центрального банка все-таки есть замечательные рычаги. Например, есть такое Положение «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудной и приравненной к ней задолженности». Этот

документ продолжает совершенствоваться, и по этому документу никакой коммерческий банк не может пользоваться своими соображениями о своем клиенте. Информация о его бизнесе, о том, как он его ведет, о том, что с ним происходит. Нет, это запрещено, потому что это все регулируется управленческая отчетность, такая живая деятельность, а на самом деле самое главное — официальная отчетность. А неофициальная отчетность очень далека в российских условиях от той отчетности, которая является официальной.

В результате у банков получается следующее. Если он собирается рискнуть, то обязан свое резервирование увеличить раза в два. Никто на это не идет, и объективно таким образом практически банки лишаются возможности честно, открыто и с полной ответственностью рисковать вместе со своим клиентом. До тех пор, пока это будет продолжаться и поддерживаться правительством, это будет вести к такой динамике кредитования.

Константин Бабкин: Спасибо. Дальше Боглаев Владимир Николаевич, генеральный директор компании «Череповецкий литейно-механический завод».

Владимир Боглаев: На вопрос, какие могут быть совместные у нас цели Центрального банка и промышленности, я пришел к выводу за последние 10 лет, что никаких совместных целей быть не может, потому что те цели, которые нам декларируют, реальными целями Центрального банка не являются. Мы-то работаем в рамках декларируемых целей, а они — нет. Поэтому самая главная проблема... Мне понравилась фраза «насилие над здравым смыслом». Когда лет 10 назад мы собирались на первые круглые столы, мы считали, что то, что происходит с экономикой России — это является какой-то ошибкой, что кто-то ошибается, принимая те или иные решения. И мы пытались показать, что это насилие над здравым смыслом, необходимо менять ошибочные действия.

Прошел год, два, пять, а ошибочные действия усугубляются, ошибки становятся более дорогими для страны и для промышленности. А мы считаем по-прежнему, что если мы дадим грамотные советы, что те, кто так усердно наступает на грабли, скажет: «Нет, что-то не то, ребята. Мы будем делать по-другому. Давайте признаем очевидное». На самом деле, никто никаких ошибок из тех, кто ведет политику Центрального банка и денежно-кредитную политику России, не совершает. Это осознанное действие, куда в том числе попадает — согласен с господином Бережным — не только ЦБ, но и вся денежно-кредитная система страны.

[01:30:03]

Последние новости, которые мы посмотрели — я просто хлопал в ладоши, — глава Налоговой службы России говорил о том, что притом, что ВВП России осталось нулевым,

мы на 20% собрали налоговых отчислений больше, притом, что эти 20% не из сырьевого сегмента экономики. Он обложил как раз тех, кого в первую очередь надо было спасать. Не сырьевиков. А добавил камень на шею... И он это как героический подвиг... Самая глупость того, что это было сделано на экране телевизора... Ну, сделал ты должностное преступление — промолчи. Зачем ты об этом хвалишься с экрана телевизора?

То есть у нас разная реальность с теми, кто формирует денежно-кредитную политику России и теми, кто пытается в ней выжить.

Поэтому в том документе, который мы с вами принимаем, я с ним совершенно согласен, но в нем есть одно четкое отсутствие момента — на что действует нынешняя денежно-кредитная политика, в том числе ЦБ.

Глазьев сказал, что 5 трлн из экономики убрали. Дальше сказали, что 20% налогов собрали больше. Плюс к этому, таким образом, если ВВП остается на втором уровне, а вы изъяли столько денег из экономики, то что вы сделали? Вы обязали нас всех, промышленников, обеспечить более быстрый оборот в производстве или в каком-то другом бизнесе.

То есть 20 с лишним лет вся денежно-кредитная политика государства настроена на то, чтобы бизнес, который выживал, имел как можно более быстрый и короткий оборот денежных средств. Выживание высокотехнологичных продуктов и производств в этой ситуации невозможно по определению. И это сознательная политика.

Дальше для меня возникает вопрос. Откололась Украина. Олигархи ли ее откололи? По моему, это не совсем так. Дело в том, что когда вы все больше и больше приближаетесь к сырьевой экономике, для вас коллектив и население страны становятся лишним, и вам надо от него избавляться. Самое простое, что вы делаете — это вы сначала от себя откидываете страны, которые по формальному признаку уже не ваши. Вы их откололи. Скоро мы отколем белорусов, всех остальных, ЕвразЭС отколем, и останутся проблемы с территорией внутри России.

На мой взгляд, сегодняшняя денежно-кредитная политика, которая уничтожает производство добавленной стоимости, которая не позволяет кормить потом людей, нацелена на то, чтобы появились риски уже расчленения России и потери ее целостности. На мой взгляд, надо об этом говорить. И если в этом документе хотя бы признак того, что мы это понимаем, появится, наверное, на него обратят внимание не только те органы ЦБ, которые в принципе их не читаю, а, наверное, и другие специально обученные люди, которые, может быть, к этому прислушаются. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Владимир Николаевич. Действительно, вопросы мы обсуждаем тут очень серьезные связанные не только с отвлеченными цифрами, даже не только с конкретными деньгами, а с развитием страны, и, может быть, с перспективой ее расчленения. Мы видим много в истории примеров, когда нации, которые теряют ориентиры, они сходят с лица земли. Уверен, тем не менее, что Россия переживет и это. И главное нам не убеждать руководство Центрального банка, а ориентироваться на миллионы жителей России, которые хотят развития. И если эти миллионы захотят, реально поймут, что делать, то изменения, так или иначе, произойдут. Поэтому важно, чтобы журналисты правильно освещали то, что мы сегодня говорим, и доносили мысли, которые звучат в этом зале, до людей.

Толкачев Сергей Александрович, замдекана Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Сергей Толкачев: Добрый день. Будет всего два слайда, как в старом анекдоте, когда человек у Красной площади раздавал пустые бумажки, где ничего не написано. Когда у него спрашивают: «Почему не написано?», говорит: «И так все понятно». Тем не менее, два небольших штриха.

Уже упоминалось, что инфляция — самая «священная корова», которую преследует Центральный банк. Там упоминалось про 500 или 600 раз в основных направлениях. Курс стабильности рубля — конституционная обязанность, — как выяснили, не является в числе обязательных среди задач Центрального банка.

Инфляция. В академическом мире давно известны и доказаны много раз положения о том, что инфляция у нас преимущественно носит не монетарный характер — инфляция сдержек.

[01:35:01]

Небольшой фрагмент. Вот очередное исследование, которое выполнено у нас в Финансовом университете. Красным выделена основная суть — зависимость инфляции от месячного индекса ключевой ставки. Самое главное — знак плюс перед 0,025, то есть изменение ключевой ставки, которое Центральный банк все время подает как антиинфляционную политику, на самом деле является проинфляционной политикой. С задержкой в один месяц он влияет на повышение темпа роста цен.

Второй небольшой сюжет. Сергей Юрьевич говорил про то, что 5 трлн руб. было из экономики разными путями Центральным банком откачено. Это цифры, которые приведены на сайте Центрального банка. Два самых крайних столбца — это данные по приросту денежной базы подсчитаны, и инфляция на индекс потребительских цен, данные

Росстата. Если сопоставлять эти два крайних правых столбца, то увидим, что именно в те периоды, когда темпы прироста денежной базы повышались или были высокие, инфляция за соответствующий период была низкая.

Посмотрим на 1 января 2018 года. Темп прироста за 2017 год составил 23,7%. И вот, пожалуйста, рекордно низкая инфляция, которой гордился Центральный банк в прошлом году — 3,7%. В этом году темп прироста денежной базы по данным на 1 ноября 2018 года — 9,4%, существенное сокращение. Инфляция несколько повышается.

Смотрим на строку, где 1 января 2016 года. То есть за 2015 год денежная база сократилась, и инфляция — рекордный показатель.

Показатели два столбца левее, наглядно указывают, каким образом происходит откачка денег из экономики. Центральный банк действует по принципу насоса на оборот. Не накачивает шину, а наоборот, выкачивает деньги из экономики.

Помимо депозитов банков в Банке России — что само по себе нонсенс, должно быть наоборот — последние два года активно используется размещение облигаций Банка России у кредитных организаций. Это основные источники откачки денег из экономики, которые влияют затем на повышение инфляции по схеме, которую привел академик Глазьев и другие выступающие.

Константин Бабкин: Спасибо, Сергей Александрович.

Шихалиев Эдуард Агабалаевич, директор компании «Промтех» (лакокрасочная промышленность).

Эдуард Шихалиев: Здравствуйте. Лакокрасочная промышленность — это производственные и промышленные семечки. Говорить, что такое «лакокраска» никому не нужно. Красим все.

После таких выступлений очень тяжело рассказывать, что происходит в лакокрасочной промышленности. Я думал, что страшные слова, которые сказал год назад в Центральном банке, когда мы нас пригласили для того, чтобы мы прокомментировали, что инфляция падает, падает и падает, я сказал, что при нулевой инфляции — это на кладбище приблизительно. Я думал, что это страшно, а тут, оказывается, и страшнее происходит. Страшнее кладбища еще есть.

Что происходит в лакокрасочной промышленности? Я хотел пройти по основным тезисам. Это спрос, текущая деятельность, воспроизводство и кадры.

Спрос. Спрос на лакокраски частных лиц. Сегодня частные лица фактически покупают всю продукцию через сети. Сети говорят, что минимальная отсрочка 90 дней. Достаточно высокая конкуренция с иностранцами. 90 дней прокредитоваться — это нужно идти в банки, это очень сложно, это очень дорого, самое главное, потому что в сетях идет конкуренция на доли процентов в продукции, потому что лакокрасочников много. Средних производителей в России где-то 200, в Китае, для сравнения, крупных порядка 2000, то есть на порядок выше.

Спрос промышленных предприятий. Промышленные предприятия тоже сейчас идут по ставке через тендеры, как правило, и там тоже идет отсрочка до трех месяцев. Как многие говорили, авансирование уже практически отсутствует. Все находимся в одной лодке, и все хотят переложить друг на друга кредитование, чтобы каждый искал, как продвигать свою продукцию. Может быть, нам в чем-то и легче, но в чем-то и сложнее. От нас отказываются производители, говорят: «Есть иностранные производители. С удовольствием берем иностранную продукцию. Она сегодня дешевая, потому что у них кредиты гораздо дешевле, и им проще войти на рынок».

[01:40:22]

Экспорт как один из видов спроса. Мы сталкиваемся с защитой бизнеса, когда нашу продукцию откровенно не хотят брать. Мы видим, как это происходит. Как европейцы защищают свой бизнес, американцы защищают свой рынок и не дают нам туда войти. Но это не цель этого мероприятия.

Второе — текущая деятельность. С чем сталкиваемся?

Сырье. Мы говорим давно, что советскую химию погубили, и малая химия отсутствует. И мы говорим о том, что нужно ее воспроизводить. Но что такое воспроизводство малой химии? Это опять длинные деньги, потому что это новые производства. К сожалению, мы не можем в принципе этим заниматься. Я пытался это делать, у меня не получилось. Никто не обсуждает деньги длиннее чем три года, и чтобы процентная ставка была на уровне 7%, потому что я считаю, что все, что выше 7% — это просто ростовщичество.

Налоги у нас научились собирать, и надо отдать должное. Я не буду говорить, куда их там утаскивают, но это бич на сегодняшний день. Я понимаю, что когда-то их мы могли не платить, но сегодня мы их должны платить, и налоговая в этом преуспела.

Кредитование текущей деятельности. Приведу пример. Мы обратились как-то в Сбербанк, это было год назад. Они причем нас сами позвали. Говорят, что очередь в Сбербанк и «Райффайзен». Но когда мы обратились в Сбербанк, нам откровенно сказали, что

российское производство — это рискованная зона. Мне это было очень странно слышать. А зачем тогда нужны банки и зачем вообще нужно производство? Посмеялись и сказали: «Вот мы сегодня можем прокредитовать. Хотите купить иностранную машину? Мы готовы прокредитовать». То есть не российский кран, а иностранную машину, пожалуйста, прокредитуем.

Воспроизводство — это развитие новых производств. Было сказано, что у нас «все производства загружены». В лакокраске российские производства недогружены на 50%. На 50% у нас больше производственных мощностей, чем сегодня есть потребность в отрасли. Не понимаю, откуда назвали цифры, что мы перегружены.

Условно, из пяти историй, кто хотел модернизацию бизнеса и построил новые производства, три обанкроченных компании, и две лавируют. Почему? Потому что то, о чем мы говорили — инвестиционные деньги, которые нужны на воспроизводство, — они не должны быть такие дорогие и такие короткие.

Последнее — обучение НИОКР. Про них хорошо сказал Аганбегян, что это очень важно. Мы это обсуждаем, и вообще не видим понимания, кто сегодня думает о кадрах. Мы реально чувствуем, что кадров становится меньше и меньше. Они тают на глазах. А обучение...

У меня все.

Константин Бабкин: Спасибо. Жуковский Владислав Сергеевич, член Президиума «Столыпинского клуба».

Владислав Жуковский: Спасибо за предоставленное слово, коллеги. Правильно было сказано предыдущим докладчиком, что инвестиции в человека в России не то, что под угрозой, они крайне низкие. Напомню, согласно федеральному бюджету на 2018 год, 2019-2020-2021 годы, у нас совокупные расходы на функционирование раздутого госаппарата, который вырос в 2 раза с 2001 года, порядка 1 трлн 400 млрд руб. Совокупные расходы на образование, медицину, культуру, спорт, науку — 1,25-1,3 трлн руб. То есть если мы на армию в 2,5 млн чиновников тратим больше, чем на весь человеческий капитал, то не стоит удивляться тем последствиям, про которые много раз здесь говорим.

Российская финансовая политика — такое ощущение, что политика кровопускания. Формально мы занимаемся таргетированием инфляции, по факту — торпедированием экономического роста населения. По последним оценкам холдинга «Рамир», с 2014 года средний чек россиянина в магазине упал на 12%. Вот сколько мы тратим на покупки в магазинах. И это без учета инфляции, без роста цен. Если мы к этому прибавим накопленную инфляцию, которая по данным Росстата больше 36%, то окажется, что

реальная потребительская активность населения упала от 42% до 50%. То есть в два раза мы затянули пояса. В 2018 году сегодня реально располагаемые доходы населения даже с учетом всех манипуляций, статистических приписок, занижение дефляторов инфляции, ниже на 11%, чем были в 2014 году. Как нам сказали в Центральном банке и Минэкономике: «Если сильно повезет и экономика нечаянно оживет, — хотя мы будем этому мешать, — может быть, к 2023 году реально располагаемые доходы вернутся на уровень 2013 года». Я думаю, это «прекрасный» результат.

[01:45:53]

С 2008 года — напомним несколько цифр — валовой внутренний продукт России по паритету покупательной способности вырос, вы не поверите, аж на 3,1%. То есть за 10 лет рост на 3%. Это к вопросу о том, что было вывезено нефти, газа, нефтепродуктов на 2,5 трлн долл. Про то, что у нас были рекордные профициты бюджета, и сегодня профицит бюджета за 10 месяцев больше 3 трлн руб. Экономика категорически не растет.

Один из ключевых показателей — так называемое накопление основного капитала, оно же Gross Fixed Capital Formation (GFCF) — на 9% ниже сегодня, чем в 2008 году. То есть мы инвестируем в экономику, то есть не проедаем богатства, недра, газ, металл, человеческий капитал и все остальное, а инвестируем, меньше практически на 10%, чем 10 лет назад. То есть 10 лет как будто бы не прошли никуда, будто бы их не было.

Российский рубль упал по отношению к американскому доллару с 23 до 66 рублей за доллар. В моменте мы видели 85 рублей за доллар, потом качели до 49, и снова посыпались.

Притом, что, напомним, в 2007 году весной нефть была 63-65 руб. за доллар, а сегодня она тоже примерно 60-63 руб., но мы уже стоим 66 руб. за единицу американской валюты. То есть примерно в три раза снизилась эффективность российской экономики, выросла коррупциогенность экономики, и в целом неэффективность принимаемых решений, что приходится в три раза девальвировать рубль, чтобы оставаться хотя бы там, где мы были еще даже 13 лет назад. Но только тогда экономика хотя бы росла на 6-7%, а сегодня она вообще расти особо не хочет.

С 2008 года чистая убыль населения России — больше 1 млн человек. То есть обещали нам народосбережение, «Человек — это наше все, наша новая нефть», но пока больше доят, а мы все никак не хотим почему-то рожать и прирастать.

Чистый вывоз капитала по данным Центрального банка — больше 313 млрд долл. Само собой, есть покупка валюты, иностранная валюта на счетах, расчетных, корреспондентских,

но, безусловно, здесь вывоз капитала крупным бизнесом (металлургами, нефтяниками, газовиками, далее по списку).

Мы говорим, что банковская система не справляется с функцией кредитования экономического роста. Конечно, это так, и мы видим, что доля кредитов малому и среднему бизнесу если еще в 2012 году была примерно 7,5-8% ВВП, то сегодня она 4,5-4,6%, то есть она сократилась. Но зато все хорошо с кредитованием населения. Кредиты населения, совокупная задолженность россиян перед банками в 2008 году была 3,1-3,2 трлн руб., а сегодня 14,5 трлн руб. Рост практически в пять раз, притом, что кредит в экономике особенно никуда не растет. Если растет, то, понятно, в газопроводы, нефтепроводы, мосты, «Силы Сибири» и далее по списку. Мы прекрасно понимаем, куда эти кредиты идут. В тот же самый вывоз капитала, кстати говоря.

В целом мы, когда слышим разговор про таргетирование инфляции, прошу прощения, у нас Минфин и Правительство сделали все, чтобы маховик инфляции заработал, раскрутился: повышение НДС, повышение акцизов на бензин, подакцизные товары, повышение налога на добычу полезных ископаемых (пресловутый налоговый маневр в нефтяной отрасли), девальвация рубля на 20% с начала текущего года при подорожавшей нефти. Рубль падал при дорогой нефти. Повышение утилизационных, торговых, инвестиционных сборов и всего-всего, это привело к тому, что у нас инфляция растет. Индекс цен производителей, то есть инфляция у производителя, уже 16,9% год к году по итогам октября. Потребительская инфляция пока 3,5%, ниже 4%. Всегда, когда такие были всплески цен у производителей, они в итоге переливали их в потребительский рынок. Это было в 2014-м, 2016-м, 2009 году тоже.

Поэтому безусловно, что инфляция будет расти, и Центральный банк, такое ощущение, что как бы вводит санкции против российской экономики. Они открыто говорят: «Чем дешевле нефть, чем хуже внешнее санкционное давление, чем нам тяжелее будет жить, и чем выше налоги у Минфина, тем мы будем закручивать гайки, повышать процентные ставки, стерилизовать якобы избыточную денежную массу, и будем вас душить со своей стороны, додушевывать, если вас Минфин не добьет».

Правильно было сказано коллегой, что в 32 раза быстрее росла собираемость налогов в стране по сравнению с ростом экономики. Так это надо плакать, на самом деле. Если экономика за 10 лет вообще никуда не выросла, а собирать налоги стали быстрее в 32 раза, то, понятное дело, на кладбище нет инфляции, там, наверное, хорошо платят налоги. Но никому легче не будет.

[01:50:09]

Поэтому больше здравого смысла, которого явно не хватает. И надежд на оздоровление не сильно много, о чем было сказано. Мы уже лет семь точно собираемся. Но по крайней мере это говорит о том, что есть здравомыслящие люди, и нам, безусловно, необходимо объединять свои усилия. Спасибо большое.

Константин Бабкин: Спасибо, Владислав Сергеевич.

Андрюшин Сергей Анатольевич, главный научный сотрудник Института экономики РАН, член Комитета ТПП по финансовым рынкам и кредитным организациям.

Сергей Андрюшин: Не пугайтесь. Владимир Гамза просил меня озвучить данную презентацию. Поэтому я сейчас это сделаю.

Я ее не буду листать, чтобы не задерживать вашего времени, выскажу четыре тезиса, через которые попытались донести до вас, почему деньги уходят из страны, или почему они стоят, и почему предприятия рассчитывают только на короткие деньги, и при большом обороте коротких денег реального экономического оборота не создается в стране.

[01:51:17]

Во-первых, таргетированная инфляция в условиях санкций не может рассматриваться в качестве целевого режима денежно-кредитной политики. Режим таргетирования инфляции базируется на устойчивости процессов, сложившихся в экономике, а также неспособности ЦБ эффективно регулировать цену денег с помощью процентного канала.

В российской экономике устойчивости процессов нет, макроэкономические показатели сильно нестабильны, а процентный канал не работает.

Целевым режимом денежно-кредитной политики Банка России в условиях рецессии балансовых счетов в российской экономике может выступать режим таргетирования денежного предложения, сочетающий инструменты денежно-кредитной и фискальной политики.

Второй тезис. Банк России утверждает, что процентный канал — трансмиссионный механизм ДКП — работает эффективно. В обоснование этой позиции он утверждает, что существует жесткая корреляция связи между ключевой ставкой и ставкой на денежном рынке, и ставками по кредитам и депозитам. Но экспертная оценка показала, когда мы считали кредитную активность, очищенную от ценового фактора, то в 2015 году кредитная активность банков снизилась на 4%, в 2016 году — на 7%, в 2017 — на 3,6%, и за весь восемь месяцев 2018 год на 6,1%. По сути дела, процентный канал как бы у них работает, но он должен отражаться на кредитном рынке, а кредитный рынок стоит.

Основная причина низкой кредитной активности коммерческих банков в том, что неверно выбран операционный канал ДКП — ключевая ставка. С 2016 года все мировые банки — например, Великобритания, США, Австралия, Гонконг, Мексика, Сингапур, ЮАР — пересматривают свои ключевые ставки. Нетрадиционная становится традиционной денежно-кредитной политикой. Соответственно, меняются процентные ставки.

Например, в Великобритании ставки, США введение трех бенчмарков. Изменение неиндикативных ставок в других странах. В России это необходимо делать тоже, ибо ключевая ставка должна отвечать требованиям новой нетрадиционной ДКП и потребностям российской экономики.

Третий тезис. 23 апреля 2018 года Банк России опубликовал письмо, согласно которому он до конца 2018 года ввел меры, позволяющие кредитным организациям не ухудшать финансовое положение. Это не позволит формировать дополнительные резервы на плохие долги. В условиях санкций необходимо расширить эти меры на 2019 год, и ТПП должна это поддержать, особенно для заемщиков, непосредственно связанных с модернизацией российской экономики и малым и средним бизнесом.

Четвертый тезис. Избыточное банковское регулирование основано на требовании Базельских стандартов. То есть банки не потому не кредитуют, что не хотят, а потому что не могут. Это является существенным тормозом для экономического роста. Банковская система России характеризуется максимальным отношением активов, взвешенных к уровню риска, взвешенных активам — более 90%. Принципиально изначально заложен такой механизм, который говорит о том, что «Я буду кредитовать, но буду формировать резервы из тебя».

[01:55:09]

Соответственно, переход на национальную шкалу рейтингования, которой Банк России начинает заниматься с 2017 года — это надо тоже всячески поддержать.

Например, тезис: повышение требований достаточности капитала на 1%... Если мы антициклическую надбавку будем внедрять в 2019 году, то есть 1% прироста потребует от банка увеличить капитал на 700 млрд руб. Соответственно, это снизит объем кредитования реальной экономики на 6,3 трлн руб. Соответственно, банки тоже поставлены в такие условия.

Поэтому, взяв встречные положения, например, надо поддержать 511-е Положение Банка России «О порядке расчета кредитными организациями величины расчетного риска». Они там снижают нормативную достаточность капитала на 2%. Сейчас он самый высокий в

мире. Зачем нам такой капитал, когда мы не кредитруем через капитал реальную экономику? Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Маслова Влада Вячеславовна, руководитель Отдела денежно-кредитных отношений в АПК Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства.

Влада Маслова: Добрый день, уважаемые коллеги. Сельское хозяйство — такая даже отрасль экономики, как и все другие, поэтому нормально функционировать без привлечения кредитных ресурсов мы просто не можем. Но в силу своей воспроизводственной специфики, для производства продукции растениеводства требуется, например, несколько месяцев, а для животноводства порою это несколько лет, то потребность в кредитовании тут выражена наиболее ярко.

Тем более в настоящее время в связи с принятым Указом Президента о необходимости увеличения роста экспорта продовольствия к 2024 году до 45 млрд долл., эта проблема по увеличению инвестиций в отрасль приобретает серьезные масштабы. Можем ли мы достичь такого прироста? Наверное, можно. Если мы не берем таких мега-экспортеров агропродовольствия, как Соединенные Штаты Америки, Бразилия, Голландия та же вывозит, в прошлом году на 97 млрд долл. агропродовольствия вывезла, Германия на 86 млрд долл. Но даже Польша по данным прошлого года — 30 млрд долл. То есть достичь таких параметров мы, наверное, можем. Но за счет чего? Вывозя только сельскохозяйственное сырье? Вряд ли. То есть мы должны вывозить продукцию высокой степени переработки с высокой добавленной стоимостью.

Если посмотреть на структуру экспорта агропродовольствия в той же Германии, на продукцию с высокой степенью переработки приходится порядка 46% экспорта, в Голландии — 33%, а у нас по прошлой угову — всего 16%. То есть понятно, что мы, имея такие грандиозные цели, которые перед нами поставлены, должны расти. Мы должны переструктурировать свой экспорт, а для этого необходима переструктуризация производства.

Ставя такие амбициозные цели по увеличению экспорт в 2,5 раза, необходимо выстраивать соответствующую макроэкономическую политику, вводить новые механизмы и инструменты. А у нас сейчас в отрасли выбытие техники в 1,5-2 раза ниже ввода новой техники. Поэтому спрос на кредитные ресурсы в отрасли огромный, он растет, а со стороны предложения наблюдаются большие проблемы, несмотря на всю активную работу, которую проводит в данном направлении Минсельхоз России. У нас в отрасли действует несколько льготных механизмов по кредитованию. Это субсидирование части процентной

ставки по старым кредитам, новые льготный механизм кредитования с конечной ставкой для заемщика не более 5% годовых. Кстати, Минпромторг России тоже ввел этот механизм, с текущего года собирается вводить. Соответственно, действует механизм возмещения сельскохозяйственным товаропроизводителем части прямых внесенных затрат. По идее, это хоть как-то должно было бы увеличить инвестиционную активность в отрасли. К сожалению, нет.

[02:00:07]

За последние пять лет после принятия последней госпрограммы инвестиции в основной капитал в отрасли увеличились всего на 1,3%. То есть, во-первых, причин много достаточно. Недостаточные выделяемые бюджетные средства, не проработанные до конца механизмы. Поэтому зачастую даже по прошлому году только каждый пятый кредит в «АБК» привлекался по льготным кредитным ставкам. Все остальные были вынуждены привлекать кредитные ресурсы на общих условиях.

Подводя итог, хотелось отметить, что базисом для активизации инвестиционной деятельности должно стать именно формирование стимулирующей макроэкономической политики, и, естественно, увеличение физической и экономической доступности кредитных ресурсов.

Константин Бабкин: Нигматуллин Булат Искандерович, профессор...

Булат Нигматуллин: Я бы хотел, чтобы вы все запомнили несколько ключевых цифр. Сегодня инвестиции в основной капитал и валовое накопление, что примерно не сильно отличается друг от друга, соответствуют в постоянных ценах 1978 году. 40 лет тому назад были такие же инвестиции в Российскую советскую федеративную социалистическую республику.

Вторая цифра. На 1% роста инвестиций в основной капитал в Российской Федерации 0,6% роста ВВП. В мире на 1% — 1%. В Советской федеративной республике до 1985 года, до перестройки — 1% на 1%.

Третья цифра. На 1 рубль инвестиций в основной капитал сегодня в России 2,7 рубля, а в мире 4,7 рубля. В советское время до перестройки — 4,3 рубля.

Эти цифры показывают всю ту слабость, которую мы сегодня обсуждали. При таком уровне инвестиций никакого роста не будет.

Я бы хотел, чтобы эти цифры где-то были заложены, может быть, доведутся до самого высшего уровня. При таком объеме инвестиций никаких шансов удержать страну. Удержать страну!

Я хочу процитировать то, что говорил Константин Анатольевич: «И умирает царство от того, что люди царства своего не уважают больше» (Булат Окуджава). Это очень серьезные вещи.

С коллегами и с Гарегином Ашотовичем обсуждали, что мы можем дожить и до того времени, что у нас посыпется страна. Поэтому очень серьезные должны быть предупреждения высшему руководству страны и правительству, что так страну мы не удержим, несмотря на все эти блестящие пожелания Майских указов президента. Никаких шансов. Спасибо.

(Аплодисменты.)

И еще фраза. 3 млн охранников, крепких мужиков. Когда моя почти однофамилица говорит, что не хватает людей, но 3 млн охранников! Где мы живем в центрах в Москве, в Санкт-Петербурге, эти охранники. Это значит дебилизация нашего народа.

Последнее коллегам из фирмы «Финам». Что у нас происходит в электроэнергетике? Весь бизнес платит деньги в инвестиции в электроэнергетику без всяких возвратов.

[02:05:03]

То есть ни облигации, ни акции. Мы на инвестиционную программу электроэнергетики в частной компании тратим, один бизнес переходит в другой бизнес. Все эти инвестиционные деньги возвращает по ставке мощности. Никаких шансов! Это вообще антирыночная экономика. Поэтому на 10% роста электроэнергии 1% падения роста ВВП. Это Институт народно-хозяйственного прогнозирования. Соответственно, на 10% роста цены на нефть — минус 1% роста ВВП. Эти цифры убивают. Спасибо.

[02:05:49]

Даже мысли нет о том, что деньги в электроэнергетику так просто собирать с ДПМ. Правительство согласилось на возобновляемые источники энергии ДПМ-2 сделать (100 млрд руб. в год с рынка брать), и вы все молчите. Где этот разговор? Почему мы должны платить 100 млрд в инвестиции в возобновляемые источник энергии? Какого черта? Это дополнение повышение цен на электроэнергию. Все молчат!

Реплика: (нрзб. 02:06:20)

Булат Нигматуллин: Ничего подобного! Мы молчали в 1989-1990 годах, во всяком случае я молчал, не понимал этого. Сегодня не надо молчать. Сегодня мы доживем, можем дожить до того, что страна полетит. Такой оптимистический момент. Поэтому кричать надо! Не просто кричать, а орать! Возобновляемые... Дворкович, на хрена он взял и согласился? Это 100 млрд до 2024 года каждый год на возобновляемые источники энергии. Ребятки, это Вексельбергу, это Чубайсу в их хавел. Почему молчим? Почему мы должны платить инвестиции безвозвратно? Дайте-ка нам облигаций, чтобы потом мы могли бы хотя бы участвовать в управлении этим финансовым инструментом.

Ярослав Кабаков: Я не понял, в чем критика.

Булат Нигматуллин: Потому что вы же сколько лет знали. Ваш бизнес, почему молчите? Это у вас бизнес ухватывают.

Ярослав Кабаков: Я как раз озвучиваю, что есть трудности.

Булат Нигматуллин: Кричите!

Ярослав Кабаков: Я буду стараться.

Константин Бабкин: Булат Искандерович, живите долго, но не доживите до краха, а доживите до расцвета.

Булат Нигматуллин: Дай бог.

Константин Бабкин: Уважаемые коллеги, завершаем работу.

У нас состоялся содержательный разговор, мы осветили проблему. С точки зрения промышленности как минимум. К сожалению, с точки зрения финансовых органов, Центрального банка, который формирует современную политику, выступающих не было, хотя в документе основные положения денежно-кредитной политики... Там у них открытая политика тоже является важным инструментом по борьбе с инфляцией, с ужасным злом. Но и сегодня мы увидели, что и этот инструмент у них как-то не работает или работает не в ту сторону.

Благодарю вас, уважаемые присутствующие, эксперты. Особенно благодарю руководителей предприятий, которые оставили свои важные дела, приехали, иногда издалека, поддержали нас, показали, что мы опираемся не на какие-то фантазии, а на интересы реальных коллективов, реальных производств, за которыми стоят многотысячные коллективы. Это очень важно. Но впереди у нас много работы. Мы высветили проблемы, это очень важно. Но для того, чтобы изменить денежно-кредитную политику реально, нам нужно еще очень много работать. Я надеюсь, что сегодняшнее заседание внесло

Заседание Совета ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России по теме: «Центробанк и промышленность: как объединить усилия?»

небольшой вклад в эту работу в приближении начала выхода страны из кризиса. Спасибо большое!

[02:18:31] [Конец записи.]